

Когда произошла авария, уставший после целого дня игр Му Юйян спал на заднем сиденье, поэтому не видел, как это случилось. Он помнил только, как всё вокруг перевернулось, и он оказался зажат под сиденьем, не имея возможности пошевелиться. В ушах стоял пронзительный гул сигналов и тормозов, а также крики родителей, а затем он почувствовал резкую боль в затылке и потерял сознание. Очнулся он только через две недели. Он лежал в больничной палате, подключенный к различным аппаратам. В комнате царила полная тишина, только звуки оборудования нарушали её. Ритмичный звук кардиомонитора, как будто отсчитывающий последние мгновения жизни, каждый раз заставлял Му Юйяна нервничать, и тот ужас и беспомощность, которые он тогда ощущал, он не смог забыть до сих пор.

Он провёл в реанимации больше месяца, каждый день к нему заходили врачи и медсёстры в белых халатах, дедушка, бабушка и дядя тоже часто приходили в стерильных костюмах, чтобы поговорить с ним, подбодрить его, но его родители так и не появились.

Хотя в палату кто-то заходил каждый день, большую часть времени Му Юйян оставался один. В реанимации время будто остановилось, и тишина была настолько гнетущей, что он начал сомневаться, жив ли он ещё.

Тогда, в свои десять лет, Му Юйян был ближе всего к смерти.

Возможно, именно те месяцы в больнице оставили глубокий след в его психике, и с тех пор он стал избегать чрезмерной тишины, в таких ситуациях начинал без остановки говорить, словно пытаясь заглушить этот ужасный гнетущий страх. Со временем он говорил всё больше и больше, и в конце концов стал тем, кого Лю Сянхань называл болтуном.

Закончив свой долгий рассказ, Му Юйян закрыл глаза, глубоко вдохнул, задержал дыхание на пару секунд и с силой выдохнул, а когда открыл глаза, снова улыбался. Он допил последний глоток пива и сказал Фу Цинлэ:

— Я впервые рассказал это кому-то, даже Ханьхань не знает. Держи в секрете.

Фу Цинлэ кивнул, его лицо стало серьёзным. Му Юйян засмеялся и хлопнул его по плечу:

— Эй, я рассказал это не для того, чтобы ты расстраивался. Я не так уж и несчастен, как ты думаешь.

Фу Цинлэ кивнул, но его лицо не стало менее напряжённым.

— Я серьёзно, — сказал Му Юйян. — После смерти родителей их доли в Минъи перешли ко мне, и даже если я не буду работать, ежегодные дивиденды от компании обеспечат мне безбедную жизнь до конца дней. К тому же, я сейчас живу с дядей и его семьёй, они очень хорошо ко мне относятся, кормят, одевают, отправили меня учиться за границу. Я совсем не несчастен, так что тебе не нужно смотреть на меня с таким выражением.

На лице Фу Цинлэ наконец появилась улыбка, он погладил Му Юйяна по голове:

— Видно, что ты действительно счастлив.

Если бы семья не вложила в него в десять, сто, даже тысячу раз больше любви и заботы, ребёнок, переживший такую трагедию, вряд ли смог бы остаться таким солнечным, тёплым и оптимистичным.

Шесть банок пива были опустошены, и большая пачка сушеных кальмаров тоже закончилась. Му Юйян зашёл в дом, чтобы принести мусорное ведро и убрать, затем, опершись на перила, потянулся, достал телефон и взглянул на время, невольно скривившись:

— Ого, уже почти три часа. Мы здорово заговорились. Пойдём спать, я уже еле держусь.

Сказав это, он стряхнул с одежды крошки от кальмаров, взял мусорное ведро и зашёл в дом. Пройдя половину пути, он остановился, увидев, что Фу Цинлэ не следует за ним, и поманил его рукой:

— Заходи, ты же не собираешься ночевать здесь? Предупреждаю, комары тут злые, если тебя кусают, я не виноват.

Фу Цинлэ усмехнулся и последовал за ним.

Ночью было прохладно, Му Юйян разложил одеяло и, повернувшись, спросил Фу Цинлэ:

— Ты привык спать слева или справа?

— Мне всё равно, как тебе удобно.

Му Юйян не стал церемониться:

— Тогда я сплю слева, а ты справа.

— Хорошо.

Му Юйян действительно устал, глаза его уже закрывались, и, определившись с местами, он зевнул, забрался на кровать, снял очки, положил их рядом, залез под одеяло и, закрыв глаза, пробормотал:

— Я спать, не забудь выключить свет. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Фу Цинлэ стоял у двери балкона, не двигаясь. С его ракурса было отлично видно спокойное лицо Му Юйяна. Когда он молчал, его внешность и манера держаться были настолько притягательны, что от него было невозможно отвести взгляд. Его черты лица были резкими, и, когда он не улыбался, каждое его движение заворачивало, но, улыбаясь, он становился тёплым, как маленькое солнце. Такое сочетание казалось странным, но на Му Юйяне оно смотрелось гармонично и даже было по-своему милым.

Фу Цинлэ не мог не признать, что Му Юйян был как выдержанное вино — чем больше он его узнавал, тем больше хотел узнать.

Му Юйян, видимо, действительно очень устал, и уже через пять минут после того, как лёг, его дыхание стало ровным. Фу Цинлэ, стоя в двух метрах от него, некоторое время молча наблюдал, убедившись, что тот действительно уснул, подошёл к другой стороне кровати, приподнял одеяло и тихо лёг. Двухметровая кровать была достаточно широкой, даже для двух взрослых мужчин, и даже с огромным плюшевым мишкой посередине у них было достаточно места. Но это не делало мишку менее раздражающим.

Фу Цинлэ с каменным лицом сидел на кровати, долго смотря на мишку по имени «Дасюн», а затем вдруг схватил его за лапу, вытащил из-под одеяла и, подняв, с лёгкостью бросил на пол. Когда-то любимый Му Юйяном мишка теперь лежал на полу, как ненужная вещь, жалкий и беспомощный.

Фу Цинлэ усмехнулся, выключил свет и лёг, закрыв глаза.

В тихой комнате слышалось только ровное дыхание двух человек. Му Юйян лежал на боку, прижавшись к краю кровати. Фу Цинлэ лежал на спине, занимая половину кровати, сократив расстояние между ними.

Через пять минут Фу Цинлэ открыл глаза, и его острый взгляд, способный видеть в темноте, всё ещё светился, как звёзды.

В трёх пальцах от него лежало спокойное лицо Му Юйяна. Его тёплое дыхание, как мягкая лента, касалось его уха. В дыхании слышался тихий лепет, как у младенца.

Сонливость.

Внезапно исчезла.

Ты спишь очень спокойно.

В семь тридцать утра Фу Цинлэ открыл глаза. Увидев незнакомый потолок, он на мгновение задумался, но быстро пришёл в себя. Полежав пару минут, он начал осознавать, что левая половина его тела ощущает что-то тёплое и мягкое. Фу Цинлэ повернул голову и молча посмотрел на свою левую руку, которую Му Юйян крепко обнимал. Стоило ему слегка пошевелиться, как руки Му Юйяна сжались ещё сильнее, а ноги, упирившиеся в его голень, тоже подвинулись.

Фу Цинлэ больше не двигался, но человек рядом, похоже, не собирался останавливаться. Му Юйян пробормотал что-то, перевернулся и упал на Фу Цинлэ, обняв его шею руками, а ногами упершись в его ступни. Его лицо полностью уткнулось в грудь Фу Цинлэ, а в горле раздавалось

тихое посапывание, как у щенка.

Даже Фу Цинлэ, который всю ночь был подушкой, не смог сохранить хладнокровие. Особенно когда нежное лицо Му Юйяна продолжало неосознанно тереться о его грудь. Фу Цинлэ не считал себя святым или человеком, способным сохранять самообладание в такой ситуации. Сейчас, когда «красавец» лежал у него на руках и совершенно неосознанно продолжал трогать его, было бы странно, если бы он не почувствовал никакого возбуждения. Но «красавец» пока находился на стадии «можно смотреть, но нельзя трогать», поэтому, чтобы ситуация не вышла из-под контроля, Фу Цинлэ постарался осторожно освободиться от объятий Му Юйяна. Однако он недооценил его цепкость: как только он освободил одну руку, на его талии оказалась нога, словно Му Юйян хотел с ним срастись.

Движения Фу Цинлэ наконец разбудили Му Юйяна. Рука, обнимавшая его шею, сжалась сильнее, и Му Юйян, не открывая глаз, с лёгким недовольством пробормотал:

— Дасюн, не балуйся.

<http://bllate.org/book/15538/1382059>